

УДК 1(091):165.43
ББК 87.3(4Вел)6-702.5

ЛОРЕТИ А.

ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ СОЛИПСИЗМА У Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

В статье рассматривается понятие солипсизма как философской позиции, анализируется подход к нему Л. Витгенштейна в параграфах «Философских исследований», относящихся к «аргументу против индивидуального языка». Доказывается, что решение проблемы, которое предлагает Витгенштейн, приводит к отказу от любого философского и психологического тезиса (прежде всего, от бихевиоризма), который напоминает отрицательную онтологию Горгия.

Ключевые слова: Витгенштейн, Философские исследования, индивидуальность, солипсизм, ощущение, язык.

В посвященной «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна литературе особое внимание уделяется аргументу против индивидуального языка. Однако следует рассмотреть те параграфы «Философских исследований», которые относятся непосредственно к индивидуальному языку, а точнее, к самому понятию индивидуальности, которое Л. Витгенштейн подвергает беспощадной критике. С его точки зрения, особое отношение к этому понятию может привести к солипсизму. Чтобы понять, в чем заключается данное состояние, вспомним «Метафизические размышления» Р. Декарта [3]. Согласно Декарту, следует сомневаться в существовании внешнего мира, ибо полученная от наших ощущений картина зачастую обманчива и противоречива. Единственное, что не подлежит сомнению, — это Я, «вещь мыслящая».

К подобному скептическому результату ведет и мыслительный эксперимент Х. Патнэма [5]. Нет гарантий

ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ

того, что мы в действительности не являемся «мозгами в бочке» и что наши слова отсылаются не к вещам внешнего мира, а к некоей, созданной злым ученым, виртуальной реальности. Из-за обманчивости наших ощущений возникают такие вопросы, как, например, видит ли один человек цвета так же, как видят их другие [7, с. 387]. Откуда нам известно, что у других людей вообще есть какие-либо зрительные ощущения? Может быть, наличие физических органов (например, глаз) является причиной совершенно новых и незнакомых нам ощущений, но не цветовых, которые определяют действия этих людей таким же образом, как нами руководят цвета¹. Тогда можно было бы представить себе совершенно другой набор ощущений, помогающих другим людям адаптироваться к жизни. Но и при подобной гипотезе следует отметить, что люди так и смогли выучить естественный язык, ибо подразумевается, что, например, слово «красный» обозначает одно и то же для всех. Обратим внимание, что речь идет не только о словах «красный» и «зеленый», но и о словах «цвет», «вкус», «звук». Таким образом, остается неизвестным, есть ли у других людей какой-то мир, качественно схожий с нашим. Мы говорим не о звуке — предмете физики, который описан как колебание воздуха, а об опыте звука, о том, как его переживает человек, или о головной боли, или о вкусе меда. Возможно, когда кто-то говорит о вкусе меда, он имеет в виду лишь свое личное ощущение, в то время, как все остальные едят мед и у них возникает другое ощущение, которое первый описал бы как визуальное, если бы оно у него было.

Неизвестно, имеют ли все остальные люди опыт восприятия мира, похожий на наш. Если продолжать дальше, то другой человек становится для нас абсолютной загадкой. Мы не знаем, что значит быть другим, что из себя представляет жизненный опыт со стороны другого человека. В итоге, если не исчезает такое состояние само, то возникает ощущение полного, абсолютного одиночества, это и есть чистый солипсизм.

Витгенштейн изо всех сил пытается исключить риск упасть в подобное состояние. Однако он не хочет заявлять это догматически или обращаться к очевидному факту, что подобная мысль исчезает под воздействием событий повседневной жизни. Он хочет опровергнуть такое мнение с теоретической точки зрения, изо всех сил пытаясь доказать, что мысль Декарта является просто «сном языка» [2, с. 197].

Если мы всегда находились в описанном состоянии полного одиночества, то идея о том, что наш обыденный язык служит способом отсылки к нашим индивидуальным ощущениям, теперь оказывается спорным. В качестве примера ощущения Витгенштейн анализирует ощущение

и понятие боли, потому что оно кажется более доступным общему пониманию.

Витгенштейн в начале параграфа 244 «Философских исследований» восстанавливает в памяти читателя более ранние воспоминания, на которые тот не обращает достаточного внимания [2, с. 171]. Как ребенку выучить слово «боль»? Ребенок кричит, ощущая боль. Иначе говоря, такое естественное и самопроизвольное поведение становится культурным выражением (у Витгенштейна нет такой терминологии). Его учат новому поведению боли, которое заменяет самопроизвольное поведение, а не обозначает его. Здесь Витгенштейн безусловно прав.

Было бы неразумно утверждать, что слово «боль» означает «крик ребенка». В действительности, они — эквиваленты, крик заменяется равнозначным выражением. Цивилизованное выражение добавляется в знание ребенка, следовательно, с этого момента ребенок больше не будет кричащим новорожденным. Будут говорить, что он приобрел новую способность.

Витгенштейн задается вопросом: «Как же тогда я могу стремиться к тому, чтобы втиснуть язык между болью и ее выражением?» [2, с. 141]. Именно в этом вопросе и заключается суть проблемы, которая будет рассмотрена. Связь между болью и выражением боли является настолько сильной, что нет никакой возможности найти пространство в языке между ними. Иными словами, возможно ли разорвать такую связь между выражением и болью? Витгенштейн критикует бихевиоризм [2, с. 186; 8], т. е. ту психологическую концепцию, которая приравнивает ментальные события человека к его поведению, однако его слова заставляют задуматься. Он считает, что между болью и ее выражением есть очень сильная взаимосвязь. Представляется уместным заключить, что боль и выражение боли — одно и то же. Тем не менее по различию между критериями и признаками, о котором Витгенштейн пишет в «Голубой книге» [1, с. 366], критерий какого-то дела и само это дело — не одно и то же. Существуют разные критерии одного и того же явления. В этом смысле было бы нелепо приравнивать боль к поведению боли.

В повседневной жизни к боли относятся не так, как к другим феноменам, например к погоде. Чтобы узнать погоду, смотрят вокруг или спрашивают у других, если нет возможности посмотреть в окно. Пример погоды — типичная ситуация, в которой может возникнуть намек на эпистемический субъект перед фактичностью. Погода является отличной парадигмой, так как у всех перед глазами одна и та же реальность, и люди часто спрашивают друг у друга, какая будет погода. (А про погоду возможно говорить объективно.) Но является ли таковым наше отношение к боли? Совершенно точно — нет!

Человеческое знание не является чисто эпистемологическим (знанием ради знания) и по отношению к погоде. Например, если человеку хочется узнать, идет ли дождь, то его знание будет заинтересованным. Как он реагирует, если увидит в окно, что дождь не идет? Скорее

¹ Н. Блок предполагает существование некоей «перевернутой земли», т. е. планеты, которая отличается от нашей только цветами вещей [6]. Однако подобная аномалия не отражалась бы в жизни людей и в их действиях.

всего, так: «Сейчас нет дождя? Здорово! Можно выйти на улицу! Нет дождя? Замечательно! Смогу встретиться с этим человеком». В подобных выражениях нет представления фактов через слова [1, с. 230—231].

В отношении боли человек далек от такой парадигмы. В данном случае речь идет не о фактах, а просто о взаимодействии. Стремление помочь ребенку, который кричит «у меня болит живот!», не вызвано тем, что человек как субъект видит какой-то факт (например, поведение, свидетельствующее о боли, в том числе, словесное). Следовательно, он понимает: если ребенок так ведет себя, это значит, что в его «сокровенном внутреннем мире» [4, с. 97] есть нечто ужасное, о чем он догадывается по собственным ощущениям, потому что у него тоже иногда болит живот и он знает, как это неприятно. Он расстроен плохим самочувствием малыша, соответственно, ему хочется устранить причину его беспокойства.

Так почему человек решает прийти на помощь? В этом случае вопроса «почему» не возникает, родители помогают ребенку не на основе каких-либо причин, не потому, что приходят к какому-то выводу, исходя из его слов или слез, не на основе внутренних, скрытых переживаний, а спонтанно, в процессе непосредственного взаимодействия. Человек просто оказывает помощь, не задавая себе лишних вопросов. Его движение — это просто движение, плач ребенка — просто плач и ничего больше. Человеку не приходит в голову, что судорога является поведением эпистемического субъекта, который отмечает процесс причинности, и он не спрашивает себя, как ему реагировать на это событие. Когда человеку больно, он не является субъектом, эпистемологически наблюдающим какие-то явления боли, обладающим непосредственным знанием о ней и думающим впоследствии, что ему нужно делать. Тем более, как было отмечено, и по отношению к дождю человек не является объективным субъектом знания. Также в данном случае он не говорит ни правды, ни лжи, а лишь «играет».

Позволим себе обратиться к примеру не в полной мере философскому, из документальных фильмов о животном мире. Африканский буйвол, подвергаясь нападению группы львиц, испускает такой необычный рев, что члены стада атакуют львиц и обращают их в бегство. Однако часто львицы не уходят, они прячутся и наблюдают за перемещением буйволов. Если член стада ранен, они нападают на него еще раз. Он испускает рев, возможно, даже более надрывный, чем первый, но, как ни странно, члены стада не двигаются и оставляют его на верную смерть.

Среди людей такое поведение, как у буйволов, является странным, но, по мнению Витгенштейна, от людей как человеческих существ не стоит ожидать большего. У людей другая форма жизни, разумеется, более сложная, хотя и столь же обосновательная.

Здесь можно обратить внимание на то, что в отличие от буйвола человек является разумным существом: он рассуждает, может отдавать себе отчет в том, почему он

действует тем или иным образом. Однако Витгенштейн указывает, что «цепь причин ограничена» [2, с. 189], последняя из причин будет беспричинной. Напрасно человек гордится тем, что он обладает разумом, потому что разум ему не помогает оправдывать его действия какими-либо окончательными причинами. Это то же самое, как думать, что в действительности на какой-то пригородной улице есть крайний (по своему расположению) дом города [2, с. 86]. Есть ли на окраине крайний дом? Безусловно есть, но он там находится, потому что он случайно там оказался. Завтра построят другой. Конечная причина является конечной фактически, а не по праву, а это значит, что нет причин. Наш разум словно повисает в воздухе. Такая идея представлена Р. Магриттом в картине «Замок в Пиренеях». Если спросить, где находится деревня, то мы ответим: «Она стоит на камне». Но что делать в том случае, если камень и сам в воздухе? Это интуиция Витгенштейна, которую любой, даже самый мягкий рационализм, должен принимать во внимание.

Боль является частью человеческой жизни, которую надо было бы описывать таким же образом, как и жизнь африканского буйвола. Такие описания будут звучать банально, они довольно известны. Но Витгенштейн делает именно это, он напоминает читателю эти концепции для того, чтобы он мог бороться с призраком субъекта, живущего в онтологической двойственности, замкнутого в себе и в то же время существующего среди людей. С одной стороны, данный субъект показывает другим то, что происходит внутри него, надеясь, что другие будут приходить к правильным выводам, а с другой — он должен быть в состоянии угадать, что происходит внутри других.

Человек ведет себя в соответствии со своими внутренними процессами, это «сон нашего языка» [2, с. 197]. Если принимать такую иллюзию полностью, то, согласно Витгенштейну, выход в чистый солипсизм неизбежен.

Философские теории являются просто делом выбора языка, так что если, допустим, человек — солипсист, то с какого-то момента вместо «мне больно», он просто будет говорить «есть боль» (вводя тем самым очень странное выражение!) и не станет говорить, что некоему человеку больно и что он «действует как Л.В., когда ему больно» [9]. Если вы — восточный деспот, то, в принципе, вы можете заставить подданных принять такое словесное употребление, но их жизнь от этого не изменится. Не говорят, что «этот человек ведет себя, как деспот, когда есть боль», а просто — «человеку больно», но такое изменение не влияет на жизнь человека.

Если сказать: «человек ведет себя, как деспот, когда есть боль», все равно ему окажут помощь. Человеческая жизнь не изменится, изменится только форма выражения мысли. Здесь видно, как языковая игра на самом деле является всего лишь языковой игрой. Выражение «человеку больно» с точки зрения своей структуры не похоже на «человек себя ведет, как деспот, когда есть боль». Но как элемент игры остается прежним, так и сама игра остается

той же самой. Важно не само слово, а то, как человек живет, что он делает.

Следует отметить, что, в сущности, Витгенштейн не отказывается полностью говорить о внутренней сфере, напротив, иногда он использует такие предложения: «Красное пятно, когда оно есть, выглядит иначе, чем тогда, когда на самом деле его нет...» [2, с. 215]. Но Витгенштейн уже переболел этой болезнью и приобрел иммунитет, поэтому теперь он делает это бесстрашно, словно биолог, работающий над созданием вакцины.

Пункт XI второй части «Философских исследований» посвящен феномену гештальта [2, с. 227—317]. Такие явления интересны, потому что, возможно, они показывают нам «сокровенный внутренний» мир человека. Возможно видеть фигуру в виде белого креста на черном фоне или в виде черного креста на белом фоне. Однако фигура остается неизменной, как и страницы книги, но что-то внутри зрителя изменилось. То же самое следует сказать и насчет фигуры утки-кролика: фигура, которую видели, как утку, вдруг стала кроликом, т. е. больше не видят в ней утку. Человек говорит о том, что происходит внутри него. Витгенштейн должен был посвятить целые страницы тому, чтобы опровергнуть это утверждение, как вдруг он воскликнул: «От идеи “приватного объекта” всегда избавляются так: допусти, что он непрерывно изменяется, но ты этого не замечаешь, так как твоя память постоянно обманывает тебя» [2, с. 293]. Здесь память понимается в строгом смысле, как самое непосредственное и новейшее воспоминание, в феноменологии именуемое «удержанием», «схватыванием». Если избавиться от феноменологической жизни, то, согласно Витгенштейну, следует использовать подобные аргументы так: «Я до сих пор был неким определенным человеком, и вдруг во мне откуда ни возьмись появились воспоминания другого человека». К подобным мыслям следует относиться серьезно, потому что они показывают, что такая внутренняя жизнь весьма далека от нашей повседневной жизни. В этом выражается вся глубокая антипатия Витгенштейна к внутренней сфере в целом.

Итак, можно сделать вывод, что любая философская теория, как феноменализм так и материализм, является неправильной, потому что нельзя приравнивать речь о боли к речи о погоде. Такие ситуации очень далеки друг от друга.

Материалисты и бихевиористы по сравнению с Витгенштейном совершенно безвредны, потому что они по крайней мере принимают язык, с помощью которого феноменист формулирует свою позицию, и пытаются его убедить в неверности его теории. А Витгенштейн, наоборот, не возразил бы на то, что человек увидел превращение утки в кролика. Однако при этом он сказал бы, что не надо твердо утверждать, что есть две сферы реальности. Человек может вполне рассказывать о своих ощущениях с

такой живостью, которая у него есть обычно, в те моменты, когда он не занимается философией [2, с. 175]. Но если спросить, где именно произошло такое превращение, то складывается впечатление, что можно изобразить такой процесс. Но любой ответ будет неправильным: если задаться таким вопросом, то это явление уже рассматривается, как перемена в атмосфере, про которую можно спросить, где она произошла. По поводу боли речь не идет о событиях, ощущения боли — это «не нечто, но и не ничто!» [2, с. 185]. Таким образом, невозможно свести речь о боли к пропозициональной речи.

Какая же онтология остается тогда? Никакой! Витгенштейн выглядит, как современный Горгий, только без его смелости, ибо Горгий прямо говорит, что ничего не существует. В общем, всю философию Платона и Аристотеля следует рассматривать как попытки заткнуть гигантские дыры, которые Горгий оставил после себя. Горгий, на наш взгляд, является одним из величайших философов древности. Витгенштейн не имел мужества Горгия, чтобы высказать свой тезис открыто. И если использовать терминологию, от которой Витгенштейн, безусловно, отказался бы, можно определить его философию как «мэонтологию» (от древнегреческого «мэ» — «не»), т. е. «крайнюю нереальность». Этой очевидной нереальности препятствует обычная жизнь человека. Витгенштейн приводит читателя обратно к повседневной жизни, не совершает деконструкцию привычного опыта, который, по его мнению, сам по себе не имеет никаких онтологических претензий.

Список источников

1. *Витгенштейн Л.* Избранные работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. и англ. В. Руднева. — М. : Территория будущего, 2005. — 440 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. — М. : Гнозис, 1994. — Ч. 1. — 612 с.
3. *Декарт Р.* Избранные произведения / Р. Декарт ; пер. с фр. и лат., ред. и вступ. ст. Е.В. Соколова. — М. ; Л. : Госполитиздат, 1950. — 712 с.
4. Мир Данте : в 3 т. / сост. С. Кондратов ; илл. Г. Доре. — М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. — Т. 2. — 518 с.
5. *Патнэм Х.* Разум, истина и история / Х. Патнэм. — М. : Праксис, 2002. — 296 с.
6. *Block N.* Inverted Earth // *Philosophical Perspectives* / ed. by J. Tomberlin. — Atascadero (CA, USA), 1990. — Vol. 4. Action Theory and Philosophy of Mind. — P. 53—79.
7. *Dennett D.* Quining Qualia // *Consciousness in Modern Science* / ed. by A. Marcel, E. Bisiach. — Oxford : Oxford University Press, 1988. — P. 42—77.
8. *Wittgenstein L.* Bemerkungen über die Philosophie der Psychologie Suhrkamp / L. Wittgenstein. — Frankfurt am Main, 1982. — P. 24.
9. *Wittgenstein L.* Philosophische Bemerkungen / L. Wittgenstein. — Oxford : Basil Blackwell, 1964. — 40 p.